

действительности. Эти практики совпадали с общественными и академическими практиками редактирования истории. Интегрированные в коллективную, сохраненную фольклором память, новые символы корректировали версии прошлого. Но одновременно фольклор, признанный на уровне государства, продолжал воспроизводиться и в традиционных форматах. В них, вопреки всем преобразованиям, сохранялись традиционные ценности, формирующие этнокультурный ландшафт. Много десятилетий спустя эти ценности (воспроизводящиеся в виде фольклорной эпической матрицы) стали основой обращения к традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клеберг Л. Язык символов революции во Франции и в России // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 140–50.
2. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуоимеж, М. Винок. СПб., 1999. 327 с.
3. Тотышев С.М. К проблеме образования некоторых тюркских народов Южной Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 3. С. 105–109.
4. Лотман Ю., Успенский Б. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 284. С. 144–166.
5. Диманштейн С.М. История народов СССР и положение на фронте исторической науки // Революция и национальности. 1936. № 3. С. 13–25.
6. Хмелевский В. Легенды племени Туба // Сиб. огни. 1927. № 2. С. 53.
7. Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии: алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933. 203 с.
8. С. М. Оседание – важнейший этап ликвидации национального неравенства // Революция и национальности. 1932. № 7. С. 33–39.
9. Коронский Г.А. Историческое прошлое Ойротии // Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области. Ойрот-Тура, 1947. С. 3–28.
10. Соколов Ю.М. Первое совещание писателей и фольклористов // Сов. этнография. 1934. № 1–2. С. 204–206.
11. Горький М. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 27: Статьи, доклады, речи, приветственные статьи. 1933–1936. С. 298–333.
12. Чагат-Строев П.А. Ойгор Батыр: В.И. Ленин (Ульянов). Улала, 1926. 31 с.

Статья поступила
в редакцию 17.02.2014

УДК 395+397+398.4+398.41

В.А. БУРНАКОВ

ОБРАЗ ДРЕВНИХ МОГИЛЬНИКОВ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ХАКАСОВ (конец XIX–XX в.)*

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск;
Новосибирский государственный университет
e-mail: venariy@ngs.ru

В статье на основе архивных, фольклорных и литературных сведений рассматривается комплекс традиционных мифологических представлений хакасов о таких историко-культурных памятниках, как курганы. Хакасия – территория с древнейшей и самобытной историей. В течение тысячелетий эта земля была одним из значимых культурных центров Евразии. В наши дни его историческое достояние представлено множеством разнообразных курганов, повсеместно встречаемых на обширных лесостепных пространствах. Важнейшим, структурообразующим элементом этих древнейших могильных сооружений выступает камень. Он является естественной и неотъемлемой частью окружающей природы. Общедоступность и специфические свойства камня способствовали тому, что он закономерным образом вошел в жизнь, быт и культуру народа. С помощью камня и в его обработке реализовывался творческий, интеллектуальный потенциал человека. Камень и его образ в мировоззрении хакасов наделяется широким семантическим полем. Он в качестве отражения состояний человеческой жизни сопутствовал человеку от рождения и до смерти. Считалось, что камень неотделим от самого бытия человека. Верили, что от него зависит рождение новых человеческих жизней, а конец жизни и по сию пору отмечается могильным камнем. Камень нередко выступает в качестве распространенного магического предмета. В хакасской культуре он воспринимается в качестве сакрального объекта – воплощения и транслятора священных сил природы. С камнем был связан комплекс архаических представлений, касающихся культа гор, духов-хозяев местности и почитания предков. Верили, что покровительство каменных божеств обеспечивало плодородие, процветание и успех в жизнедеятельности людей, проживавших на территории их локализации. В связи с этим люди обожествляли как сам камень, так и место, где он располагался, поклоняясь всему сакрализованному пространству. В мифологическом сознании хакасов отмечается устойчивое сопоставление курганов с образами их легендарных предков. Эти археологические объекты выступают в качестве неотъемлемой части этнокультурного ландшафта и одного из ярких этнокультурных символов хакасов.

Ключевые слова: хакасы, традиция, мифы, фольклор, обряды, предки, курганы.

*Работа выполнена по проектам: РФНФ № 12-01-00199а и Президиума РАН «Традиции дарообмена в истории и культуре народов Сибири в XVII–XXI вв.»

В культуре хакасов основополагающим является мифоритуальный комплекс, связанный с окружающим пространством. Значительное место в нем занимают представления о древнейших захоронениях – курганах и могильниках, относящихся к разным историческим эпохам. Местные жители обозначают эти археологические памятники, как: *күрген, толадай, обаа, көзее* [1, с. 328; 2, с. 193, 217, 290, 641].

Традиционными являются суждения хакасов о курганах как захоронениях их далеких предков. Впервые они были зафиксированы еще в XVIII в. известным исследователем, путешественником-натуралистом И.Г. Гмелиным. Он сообщал:

Татары (хакасы. – В.Б.) испытывают чувство священного благоговения по отношению к умершим, а в особенности – к своим прародителям. Хотя им и известно, что в разграбленных могилах их предков найдено множество сокровищ, все же не было слышно, чтобы у кого-то из них возникло желание обогатиться таким образом. И это несмотря на то, что у них для этого имеются наилучшие возможности, ибо они живут рядом с этими погребениями <...> Когда их склоняют к какой-нибудь религии, они указывают на могилы своих предков и говорят: грабежи этих могил доказали всем, какие знатные и богатые люди были их предки, и как временами у них все шло как нельзя лучше. Все это было при той вере, которая от этих предков передалась по наследству к ним [3, с. 127–128].

О широкой распространенности среди хакасов подобных взглядов на эти археологические памятники в ту же эпоху сообщал И.Г. Георгий:

В стране качинцев попадаются разные признаки горных работ и плавильных заводов древних людей, также множество старинных, отчасти богатых, могил, или курганов <...> Могилы присваивают качинцы своим предкам и столько имеют к ним почтения, что для отыскания сокровищ ни единой не разрывают. Но русские люди иначе о том думали, и потому ныне редко где попадает богатая неразрытая могила [4, с. 255].

Уровень исторических знаний XVIII в. о Сибири и ее обитателях не позволял точно идентифицировать эти археологические памятники. Вместе с тем был важен зафиксированный факт включенности этих историко-культурных объектов в мифологическую систему хакасов, в том числе в культ предков.

В 1840-х гг. известный финский ученый М.А. Кастрен в поисках прародины финно-угров посетил Хакасию. Проводя исследования среди тюркоязычных койбалов, он отмечал: «Что же касается наконец до койбалов, о которых так много спорили, то они считают себя, вместе с облеченной в мифический мрак Чудью древнейшими обитателями этой страны» (цит. по: [5, с. 70]). Исследователь обратил внимание и на тот факт, что они «поклонялись в старину также высоким скалам, святость которых обозначалась намалеванными или высеченными фигурами, и могильным курганам, и <...> каменным истуканам» [6, с. 221].

В устном народном творчестве хакасов древнейшие каменные могильные сооружения часто связываются с представлениями об их непосредственных предках. Интересна в этой связи легенда «Великий стрелок». Согласно сюжету главный герой отправляется на состязание богатырей. По пути он проезжает местность, покрытую курганами:

Долго ли, коротко ли ехал, наконец, достиг земли Большого хана. Выехал на высокую гору и оттуда увидел всю его землю. Под этими курганами лежат кости его предков, подумал Сирота из Сирот, может и ему придется навсегда остаться в этой земле [7, с. 10].

Представление о кургане – обители предков часто встречается в эпических сказаниях. Так, богатырка по имени *Хызыл Түлгү* ('Красная Лисица') со своим супругом *Алтын Хус'ом* в одноименном произведении находят свое упокоение на кургане [8, с. 72–73].

Образ кургана используется и в «Легенде о призвании певца», где *Таг ээзи* – дух-хозяин горы, осмысляемый хакасами в качестве одного из предков, за провинность посылает сказителю Аголу смерть, которая настигает его у кургана:

Валом повалил народ со всех сторон к кургану. Расселись вокруг камня. И стал Агол, напрягая последние силы, петь песни о родной земле, о жизни и мужестве, о призвании певца и его тяжелой доле. Пел он, печально сострадая горю людскому. Пел до тех пор, пока не отлетело его последнее дыхание [9, с. 47].

Мотив смерти человека у кургана представлен в фольклорном произведении «Арап и змея». Согласно сюжету, змея заманивает человека к кургану и делает попытку умертвить его [10, с. 81–82].

В мировоззрении хакасов курганные камни нередко представляют собой вместилища душ богатырей. Так, например, в сказании «Три сестры многострадальные» в одном из камней находилась душа богатыря Ай Маныса – с разламыванием камня погибает и сам герой [11, с. 182]. В легенде «Похта Кіріс» в курганных камнях *обаа* была воплощена сила богатырей [12, с. 36, 38].

На территории Хакасии помимо курганов тагарской эпохи представлены могильники, называемые *чаа тас* – букв. 'камень войны'. Они относятся к археологической культуре VI–IX вв. н.э.; свое название получили из-за большого количества вертикальных каменных плит, врытых вокруг курганов. По древним хакасским легендам, они олицетворяли врезавшиеся в землю скальные обломки, которые кыргызские богатыри бросали в неприятеля [13, с. 167].

В этнографической литературе на дифференциацию многочисленных курганов и связанных с ними исторических преданий у хакасов одним из первых в конце XIX в. обратил внимание Н.Ф. Катанов, писавший:

Курганы некоторые принадлежали киргизам, а некоторые принадлежали чудскому народу. Впоследствии, когда пришел

неприятель и прогнал киргизский народ, 1–2 человека (из этого народа), скрывшись на скалах, остались в горах, а часть осталась на степи. Теперь кость Киргиз живет и между качинцами и сагайцами [14, с. 96].

Необходимо подчеркнуть, что порой в народе не всегда четко идентифицировались данные историко-культурные объекты. В глазах местных жителей внешнее сходство этих могильников – главным образом выступающие на поверхности земли камни различной величины – вносило путаницу в их идентификацию.

Так, о неоднозначности суждений хакасов о курганах в XIX в. сообщал М.А. Кастрен:

В степях я записал много, часто, впрочем, противоречащих, преданий о древней чуди. По одному весьма распространенному между татарами преданию, этот мифический народ, называемый многими стариками аккараком (белоглазым), был первым обитателем этой страны, но оставил ее задолго еще до прибытия киргизов; и все древнейшие, повсюду рассеянные по степям могильные курганы – его произведения. Но этому преданию противоречат многие другие <...> Ясно, что первое предание смешивает чуди с киргизами и приписывает древнейшие курганы собственно сим последним. И действительно, есть много такого, что говорит в пользу их киргизского происхождения [6, с. 203–204].

Следует констатировать, что и в настоящее время среди современных хакасов эти памятники не всегда четко различаются. При этом в общественном сознании образ кургана в целом ассоциируется с захоронением далеких пращуров [15, с. 37, 134, 152–153, 182]. Это, по всей видимости, связано с тем, что в прошлом хакасы нередко устраивали свои кладбища среди этих древнейших могильников. Данную традицию у хакасов отмечал М.А. Кастрен. Он подчеркивал, что «есть обычай хоронить мертвых в старых курганах, если нет поблизости возвышенностей. Это напоминало предание, существующее в Томской губернии, о том, что чудские надгробные холмы от того так необыкновенно высоки, что мертвых хоронили одного над другим» [6, с. 239].

Расположение погребений хакасов среди древних курганов наблюдал П.Е. Островских:

Кладбища имеют оригинальный вид: в большинстве еле заброшенные могилки с высунувшимися из-под земли колодинами или ящичками, кусками бересты, а в старых могилах даже с обнаруживающейся из-под гнилушек одеждой покойника, ютятся среди громадных древних курганов, могучих, долговечных [16, с. 346].

По материалам В.Я. Бутанаева, хакасы хоронили умерших грудных детей на деревьях, в гротах гор и в насыпях древних курганов [17, с. 140].

В традиционном сознании хакасов с курганами, относящимися к тагарской археологической культуре (VII–III вв. до н.э.), чаще связывалось представление о мифическом народе *ax xarax* – белоглазые, более известном в литературе по названию «чуди белоглазой» (вариант хак. – *чүт / чот чоны*) [6, с. 203–204; 14, с. 56; 15, с. 133, 138, 140; 18, с. 124; 19, с. 30; 20, с. 145; 21, с. 19–20; 22, с. 135–136; 23, с. 20–21].

Один из вариантов данного мифа был обнаружен в ходе авторских изысканий в архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (АМАЭ РАН / Кунсткамера). Текст записан у хакасов в 1930-х гг. известным тюркологом Н.П. Дырнковой.

Согласно зафиксированному ею повествованию, на земле в каменных домах (*тас иб*) жил народ *чот* (*чот чоны*). Среди них был шаман с девятью бубнами (*тогыс түүрлыг хам*). Однажды эти люди спросили кама о том, «вырастет ли на их земле береза, будет ли стоять на их земле Белый царь (*Ах хан*)»? Шаман стал камлать и предрек: «Белый царь встал, белая береза выросла!». Это означало, что они потеряют свою независимость и подпадут под власть Белого царя. Народ *чот* тогда сказал: *Паза ниске кун чогыл* – «Больше нам солнца / жизни не будет». Гордые и свободолюбивые люди, не желая подчиняться власти Белого царя, заживо погребли себя в своих же каменных жилищах. «Оставшиеся» на их месте камни с тех пор называют *чот кўрген* – «курган / жилище народа *чот*» или *чот чоның чуртан чирі* – «земля / место, где жил народ *чот*».

В мировоззрении хакасов также устойчивым остается представление о курганах как о древних жилищах или поселениях. Подобные ассоциации обнаруживаются в типических народных выражениях, например: *толадайлар – иргі тустагы чурттар* – «курганы – древнейшие жилища (остатки древних жилищ)»; *көзөлер, толадайлар кизек аалар чили турча* – «курганы, камни, древние могилы рассыпались, точно небольшие села» [2, с. 641].

Представление о камне как первом универсальном строительном материале часто встречается в хакасском фольклоре. До сих пор бытуют рассказы о том, что в незапамятные времена камень был мягким, а дерево – твердым, из-за чего древние люди строили свои жилища исключительно из камня. Впоследствии они погибли в результате стихийного бедствия. Согласно легендарной традиции, однажды поднялся ураганный ветер и заживо завалил древних людей вместе с их каменными жилищами. Лишь после этих событий якобы дерево и камень приобрели характерные для них качества [15, с. 134, 135, 138, 140].

Стоит отметить, что в подобных повествованиях «древние люди» не всегда идентифицируются с «чудью белоглазой». Более того, имеется вариант мифа, согласно которому курганы принадлежали народу *чода*. При этом они осознавались не только в качестве жилищ, но связывались с погребальной обрядностью:

В давние времена жил народ, у которого вся нога состояла из чода – голени. Эти люди были высокими и сильными. Когда они хоронили членов своего рода, то сооружали курганы, ставили вокруг них көзее – менгиры. Курганы являлись их домами, там же находилась их хуйах – жизненная сила (защита). [Считается, что] когда переносишь көзее в другое место, то вместе с ним переходят и [их] духи [15, с. 134].

Упомянутый в мифе этноним *чода* созвучен названию хакасского и тувинского *сөдк'а* (рода). Не исключая того, что данный вариант мифа, вероятно, является более поздней трансформацией повествования о народе *ax*

харах / чүт (чот), все же стоит отметить стремление хакасов воспринимать эти сооружения в качестве объектов, имеющих отношение к предкам. Согласно фольклору, далекие пращуры сооружали зимнее жилище под соответствующим названием – *күрген*. Оно возводилось из дерна и камня, дверь в нем пробивалась низко, как бы уходила под землю [24, с. 129; 25, с. 443]. О данном типе жилища имеются упоминания в героической эпике хакасов, например:

<p>Аралап килген ікі алып, Ах пайзаң ибнің алнында Аттарын тохтапааннар, Ікі ибнің кистіне Ибір килеедір ікі алып. Анаң көр турзалар, Күрген пір дее чох полған – Хайда-хайда күрген турчададыр, Күргеннің ортызынаң Түдүн тосхалап турадыр. Айланып, ибіріліп, ікі алып, Аттаң түзіп, пас килгеннер. Ир чахсылары көрзеелер, Изік чир алтында турчадыр, Пазып кірер чирін Прай киртіктеп салғаннар</p>	<p>Ехали два богатыря. Перед белыми дворцами Своих коней не осадили, Сзади к двум дворцам Подъехали два богатыря. Смотрят: [там, где раньше] Ни одного кургена не было, Огромный курген стоит, Сверху из отверстия кургена Дым поднимается. Объехали [вокруг] два богатыря, С коней сошли, [к кургену] приблизились, Смотрят благородные мужи: Дверь под землю ведет, Чтобы можно было войти, Ступеньки вырублены [в земле]</p>
---	---

[26, с. 152–153, 394];

Следует отметить, что по традиционным хакасским представлениям обитатели Нижнего мира, в том числе и души умерших людей – предков, жили в многоугольных каменных жилищах [17, с. 131; 27]. Эти образы могли быть связаны с архаичными жилищами – *күрген'ами*. Отождествление образов могильника и жилища находит подтверждение и в археологических исследованиях. Известно, что предки хакасов, сооружая курганы, самой его структурой и внутренней планировкой воспроизводили образ жилища [28, с. 200]. Данный факт нашел отражение и в героической эпике хакасов. Так, в богатырском сказании «Сарыг Чанывар» представлен сюжет, согласно которому по воле *Чалгыс Чайаан'а* – «Верховного божества» тело богатыря Алтын-хана с сакральной целью погребается в кургане, который своим видом воссоздает образ жилища:

Волею Единственного Бога
Должен схоронить я Алтын-хана,
Чтобы наш род с лица земли не стерся,
Чтобы кость росла-ветвилась наша.
Взяли мы со всадником камень,
Обложили тело Алтын-хана –
Будто стены дома получились;
Каменными плитами покрыли
Золотое тело Алтын-хана –
Будто дом из камня получился

[29, с. 80–81].

Таким образом, в религиозно-мифологическом сознании хакасов древнейшие могильники и кладбища воспринимались в качестве пространства, имеющего определенное отношение к предкам. При этом большинство из них наделялось признаками сакральной чистоты – *арыг чир*. В этой связи до сих пор в народе распространены убеждения в том, что людей на кладбищах оберегает мистическая сила их предков. У хакасов вполне типичным является выражение *сыырат – арыг, ээн тура – айналыг* – «кладбище – чистое [место], а заброшенный дом – с чертями» [30, с. 130]. Среди верующих бытуют традиционные суждения о том, что «лучше заночевать на могилках, чем в пустующем жилище» [31, с. 42–43; 15, с. 72–73].

В ходе своих исследований М.А. Кастрен выявил у хакасов устойчивые взгляды на курганы, согласно которым любое изменение изначальной целостности этих сооружений расценивалось как нарушение покоя далеких предков. Верили, что подобные действия вызывали гнев духов, что в свою очередь могло обернуться крупными бедствиями. Например, хакасы были убеждены в том, что археологические исследования древнейших могильников, проведенные П.С. Палласом в Хакасии в 1770-е гг., принесли им большие несчастья. По мнению хакасов, случившаяся у них эпизоотия вызвана «Палласом не чародейством, а раскапыванием древних могильных курганов» [6, с. 225]. Верующие полагали, что проклятье со стороны духов неизбежно настигает тех, кто не-

посредственно занимается грабежом этих исторических памятников. Считалось, что за подобное святотатство они могли лишиться зрения [32, с. 629–630] или заболеть тяжелыми болезнями. Так, по рассказам местных жителей, у пресловутого бугровщика Селенги, который на протяжении более трех десятков лет успел разграбить множество могильников, под старость отсохла рука [13, с. 168].

В мифологическом мышлении хакасов выявляется их твердая уверенность в том, что погребенные в курганах предки были прославленными воинами. Нередко образ предков ассоциируется и с горными духами. Весьма показательны в этом отношении былички, согласно которым отдельным людям эти сверхъестественные существа показываются в виде древних воинов в доспехах. При этом встречи с ними якобы происходят и около курганов, через которые часто проходят «дороги духов» [15, с. 152–153]. Фольклорно-мифологический образ воителя-предка, захороненного в кургане, на протяжении веков широко транслировался среди хакасов. Так, минусинский окружной начальник Н.А. Костров, описывая культуру и быт местного населения, привел весьма показательный пример из их обыденной жизни, точно передающий их ментальные и поведенческие стереотипы. Автор писал о том, что «возвращаясь из гостей, конечно подгуляв, кизилец (хакас. – В.Б.) встречает один из тех курганов, которыми во множестве усеяны их владения. Увидя его, он начинает петь о том, какой великий богатырь похоронен в нем и какие подвиги этот богатырь совершил в жизни. Далее по пути ему встречается лес или река; он начинает воспевать и их» [33, с. 5]. В приведенном материале четко выявляется традиционный уровень восприятия хакасами курганов. Они осознаются не только как монументальные захоронения легендарных витязей, но еще рассматриваются как естественный и неотъемлемый элемент их природного и культурного ландшафта. Курганы, наряду с их родной землей, горами, растительностью, водными источниками и т.п., одухотворяются и закономерно воспринимаются в качестве почитаемых и восхваляемых объектов.

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов образ кургана занимал видное место. Об этом свидетельствует обширный фонд фольклорного материала, посвященный теме древних захоронений. В мифологическом сознании хакасов отмечается устойчивая ассоциация курганов с образами их легендарных предков. Священные камни и курганы обозначают сакрализованные пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутанаев В.Я. Русско-хакасский словарь (ок. 15 тыс. слов). Петропавловск, 2011.
2. Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006.
3. Гмелин И.Г. Тюрки Красноярского уезда и их шаманы // На-ука из первых рук. 2004. № 0. С. 124–129.
4. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007.
5. Боргойков М.И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981.
6. Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь. Тюмень, 1999.
7. Великий стрелок // Золотая чаша: хакасские народные сказки и предания. Красноярск, 1975. С. 7–15.
8. Красная лисица. Сказание. Абакан, 1960.
9. Легенда о призвании певца // Золотая чаша. Хакасские народные сказки и предания. Красноярск, 1975. С. 43–47.
10. Арап и змея // Золотая чаша. Хакасские народные сказки и предания. Красноярск, 1975. С. 81–84.
11. Три сестры многострадальные // Трояков П.А. Героический эпос хакасов и проблемы изучения. Абакан, 1991. С. 165–193.
12. Похта Кіріс // Атыгчы оол. Хакас чонның нымыхтары (Волшебный стрелок. Хакасские народные сказки). Абакан, 1969. С. 30–57.
13. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан, 2008.
14. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897.
15. Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск, 2006.
16. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина, 1895. Вып. III–IV. С. 297–348.
17. Бутанаев В.Я. Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. Астана, 2011.
18. Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. 1.
19. Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Изв. ИРГО. 1884. Т. XX, вып. 6. С. 6–33.
20. Орфеев Н. Предания о курганах у инородцев Минусинского округа // Енисейские епархиальные ведомости, 1888. № 11. С. 145–147.
21. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор. Абакан, 2001.
22. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. Абакан, 2008.
23. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан, 2010.
24. Бутанаев В.Я. Хакасские народные названия исторических памятников // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 127–135.
25. Майногашева В.Е. Комментарии к переводу // Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск, 1997. С. 430–448.
26. Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988.
27. Бурнаков В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 107–114.
28. Кызласов И.Л. Ряд особенностей археологического изучения тюркских народов в России // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2010. Вып. 5. С. 198–207.
29. Сарыг-Чанывар. Хакасское сказание // Сибирские сказания. М., 1991. С. 40–124.
30. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999.
31. Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Изв. ИРГО. 1884. Т. XX, вып. 6. С. 34–48.
32. Корнилов И. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин земледелия и путешествий. М., 1854. Т. 3. С. 605–644.
33. Костров Н.А. Кизильские татары. Казань, 1908.

Статья поступила
в редакцию 14.02.2014